

РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ ФИКСИРОВАННЫХ ФОРМ ПОВЕДЕНИЯ Г.В. ЗАЛЕВСКОГО

Н.В. Козлова (Томск)

Аннотация. Рассматриваются современные исследования различных сфер жизнедеятельности, опирающиеся на теорию фиксированных форм поведения. Показано развитие представлений о природе и сущности фиксированных форм поведения на уровне индивидуальных (личности) и групповых (семьи, профессиональных сообществ и организаций, этноса и общества в целом) систем, проявляемых в культурном и кросскультурном пространстве, образовании, науке, в норме и патологии.

Ключевые слова: психическая ригидность, системно-сетевые модели фиксированных форм поведения, избыточная устойчивость индивидуальных и групповых систем.

Оценивая творчество Л.С. Выготского, А.Г. Асмолов отметил, что он оставил в наследство открытое пространство для творчества. Мы оцениваем таким же образом теорию фиксированных форм поведения Г.В. Залевского, которая стала для нас ориентиром, открывшим перспективы для научно-исследовательских и практических задач.

Г.В. Залевский относится к той плеяде психологов, которые умело сочетают в своем лице методолога и педагога, теоретика, экспериментатора и практика. Широта его научных взглядов, творческий потенциал, высокий полемизм и способность последовательно и многосторонне разбираться в сложных проблемах определили две линии эволюционного развития теории фиксированных форм поведения. Первая – расширение пространства исследования феноменологии и природы психической ригидности, вторая – развитие психологических и психопатологических направлений исследований. В 80-х гг. прошлого века сформировалось научное сообщество, предметом внимания которого явились идеи Г.В. Залевского о роли ригидности и фиксированных форм поведения в различных сферах жизнедеятельности человека. Согласно Г.В. Залевскому, проблема фиксированных форм поведения является сложной, комплексной, относящейся к различным областям знаний, в связи с чем требует рассмотрения на уровне индивидуальных (личности) и групповых (семьи, профессиональных сообществ и организаций, этноса и общества в целом) систем, проявляемых в культурном и кросскультурном пространстве, образовании, науке, в норме и патологии [9].

Взгляды Г.В. Залевского на психическую ригидность как фактор, вызванный душевными, психологическими и физиологическими причинами, и на возможности ее ослабления, компенсирования или нейтрализации определили комплекс изучения психологических механизмов, ограничивающих поведение, вызывающих заболевание и снижающих эффективность восстановительной терапии. На этой основе разработаны научнообоснованные психодиагностика

и практики профилактики и реабилитации больных нервно-психическими расстройствами [8, 10].

Я.В. Варлакова (Красноярск) определила психологические, психофизиологические и астенические составляющие психической ригидности в патогенезе и психотерапии ишемической болезни сердца (ИБС). Ей удалось разработать комплексный диагностический подход к исследованию психической ригидности, определив ее психофизиологические составляющие, проявляющиеся в повышении или снижении значений омега-потенциала правого и левого полушарий головного мозга, скорости нивелирования межполушарной асимметрии функционального состояния головного мозга в ходе психотерапевтического сеанса, нарастании неврологической астении, неадаптивных личностных особенностях [14]. При этом ею показано отражение типа психической ригидности в клинко-патогенетических проявлениях ишемической болезни сердца. Реализация же программы снижения психической ригидности сопровождалась выздоровлением, коррекцией личностных отклонений, снижением астенизации, нормализацией нейрофизиологической реактивности. Данное направление изучения психической ригидности способствовало целенаправленному созданию специализированных лечебно-профилактических и реабилитационных программ, реализуемых в практиках лечения ИБС.

С позиции теории психической ригидности в работах Н.А. Зыковой (Екатеринбург) изучены основные психокоррекционные подходы в рамках терапии сердечно-сосудистых заболеваний детского и подросткового возраста, что позволило представить динамику изменений таких компонентов личностной сферы подростков, как актуальная ригидность, степень невротизации и наличие «опасных» моделей поведения [12]. Снижение уровня актуальной ригидности (до умеренного) привело к расширению эффективных моделей поведения, спектра эмоциональных переживаний, установочных реакций, повышению способности к более гибкому и адаптивному поведению. Особенности сано- и патогенеза, выявленные

в ходе исследования, стали основанием объединения усилий врачей-кардиологов и клинических психологов для создания комплексной программы терапии и профилактики функциональных нарушений сердечного ритма.

О.А. Сагалакова (Барнаул) особое внимание уделила выявлению алгоритмов эмоционально-когнитивного реагирования на социальные ситуации с учетом индивидуально-типологических особенностей больных, страдающих социальной фобией [22]. Ею дана клинико-психологическая характеристика социальных фобий как психического расстройства, при котором формируется эмоционально-мотивационный конфликт между желанием удовлетворить значимую потребность, реализация которой возможна только в социальных ситуациях, и субъективной опасностью участия в ней. О.А. Сагалаковой выявлены основные характеристики алгоритмов эмоционально-когнитивного реагирования на социальные ситуации: высокий уровень психической ригидности как состояния и сенситивной ригидности, фиксированные формы поведения при осознании их иррациональности и преобладание гипостенических черт характера. Полученные данные стали основой психодиагностического обследования пациентов в сложных дифференциально-диагностических ситуациях, а также профессиональных практик клинических психологов и психотерапевтов.

Взаимосвязи между особенностями психологических защит, совладания и травматическим событием, пережитым личностью, стали предметом изучения С.А. Ошаева (Томск) в русле структурно-уровневой концепции психической ригидности [21]. Разработана комплексная интегративная модель влияния травмы на личность, учитывающая нозологические особенности, психологические защиты и стили совладания в процессе социальной адаптации лиц с пограничными нарушениями. Выделены различные варианты переработки интрапсихического конфликта с учетом характера травматического события у пациентов пограничного спектра. Раскрыты общие закономерности формирования вариантов личностного реагирования на травму с учетом психологических защит и стилей совладания. Обосновано применение сравнительного анализа психологических защит и стратегий совладания, а также сочетания методов психодиагностики.

Опора на теорию психической ригидности, в частности на ее структурно-уровневый характер, позволила Е.Н. Дмитриевой (Томск) выявить и обосновать особенности (общие и специфические) взаимосвязи прошлого, настоящего и будущего в структуре временной перспективы у детей и подростков с ДЦП [7]. Подобранный и адаптированный диагностический материал для изучения временной перспективы по-

зволил автору разработать программу развития, формирования и коррекции с учетом формы заболевания и возрастных особенностей.

В этом же ключе представлено клинико-психологическое исследование А.К. Суровцевой (Томск), направленное на выявление особенностей субъективной оценки качества жизни депрессивных больных, которая не имеет линейной взаимосвязи с тяжестью заболевания, а определяется совокупностью факторов, связанных с личностными особенностями, социальными факторами и с биологическими механизмами патогенеза депрессивных расстройств [24]. Среди личностных особенностей автор особо выделяет психическую ригидность, которая определяет возникновение иррациональных мыслей, неадекватных когнитивных схем, страхов и депрессии. Полученные результаты, наряду с применением клинических шкал по оценке степени выраженности депрессии, активно используются в клинической практике стандартизированной самооценки уровня качества жизни, дают более полное представление о выраженности психического расстройства, позволяют провести динамическую оценку эффективности проводимой терапии.

Применение системного структурно-уровневого подхода явилось методологической основой для изучения формирования материнской функции, реализованного И.Л. Шелеховым (Томск). Им проведено системное исследование влияния типа акцентуации личности, структуры ценностей и родительских установок беременных женщин на формирование материнской функции [17]. Результаты проведенных исследований позволили выработать эффективные методы профилактики, своевременной диагностики и коррекции нарушений материнско-детского взаимодействия, включая девиантные формы материнского поведения. А.Э. Карасева (Барнаул) рассматривает вероятность развития аномалий родовой деятельности в зависимости от особенностей темперамента и характера женщины, таких как нейротизм, экстраверсия, возбудимость, дистимность, гипертимность, застреманность, ригидность [4, 13].

И.Я. Стоянова (Томск), базируясь на концепции фиксированных форм поведения, на выводах Г.В. Залевского о том, что психологическое содержание феномена ригидности проявляется в неспособности личности изменить свое поведение в связи с изменением ситуации, приверженности к однотипному образу действий, показала, что снижению эффективного взаимодействия и порождению психического заболевания способствует психическая ригидность, закреплённая в фиксированных (ритуальных) формах поведения [23]. Этот феномен может проявляться в преморбиде в особенностях реагирования личности на травму и в низком уровне поисковой активности. В качестве причины усиления психической ригидности у человека выс-

тупают фрустрация, тревога, страх, шок. При этом психическая ригидность может иметь различную направленность и интенсивность: проявляться у людей без нарушений здоровья, быть составляющей патофизиологического симптомокомплекса, а также характеризовать социальные взаимодействия, основанные на архаических представлениях и стереотипах. Социальное окружение может способствовать формированию фиксированных форм поведения, порождающих ограничения личностных ресурсов и возможностей саморазвития, поэтому выраженность психической ригидности как состояния либо личностной черты становится фактором, усиливающим архаические аспекты взаимодействия с реальностью.

Т.Г. Бохан (Томск) впервые установлена роль психической ригидности как общесистемного свойства в качественной динамике психологического стресса. При этом ею выявлено место психической ригидности в психологических условиях преобразования культуры в жизненный мир человека, обуславливающих подвижность многомерного мира и устойчивость человека как открытой психологической системы в трудных ситуациях у юношей народов Сибири, а также у пациентов с клиническим диагнозом «расстройства адаптации, связанные со стрессом» [2].

На теоретико-методологическом уровне (системная структурно-уровневая концепция психики) на значительном материале Г.Г. Буториным (Челябинск) проведено целенаправленное клинико-психологическое изучение донозологических психических состояний депривационного генеза и их динамики у учащихся начальных классов из родительских семей двух моделей (дисфункциональных и мигрантов) [3]. Полученные данные, уточняющие факторы риска возникновения и формирования депривационных психических состояний, их клинико-психологические особенности и личностные особенности детей, склонных к различным формам дезадаптивного поведения, используются сегодня для своевременного предупреждения и коррекции различных депривационных воздействий как в условиях семьи, так и макросоциальном окружении.

Полученные учеными и практиками в ходе клинико-психологических исследований данные закрепляют аргументированные утверждения Г.В. Залевского, что фиксированные формы поведения, как неадаптивные по своему существу, при нервных и психических расстройствах приводят к исчезновению детерминации психической деятельности внешним миром. А это, в свою очередь, выступает фактором человеческих аномалий во всех сферах жизнедеятельности.

Положения теории фиксированных форм поведения Г.В. Залевского определили направления научных исследований и в области современного образования [9]. Сам автор теории отмечает, что произо-

шел взрыв «закрытой» образовательной системы как части общего закрытого пространства, из которого вырвалась образовательная инициатива. Это, в свою очередь, породило жесткое столкновение традиционных и инновационных процессов. Исследования в этом контексте в рамках структурно-уровневого акционального анализа представлены на уровне средств (способов, методов, технологий) и на уровне целей (фактически на уровне парадигм).

Так, Т.Г. Гадельшина (Томск) вводит понятие и разрабатывает теоретические основания ресурсосберегающей стратегии обучения на основе структурно-уровневого подхода к пониманию психической адаптации учащихся [5]. Исследователем изучено влияние технологии концентрированного обучения на состояние психической адаптации как показателя ресурсосбережения у подростков и дана оценка эффективности применения ресурсосберегающей стратегии обучения в условиях концентрированного обучения, а также предложено методическое обеспечение ресурсосберегающей стратегии. Предложенный способ оценки педагогической технологии, основанный на динамическом сопоставлении факторов образовательной среды и индивидуально-психологических особенностей учащихся, способствовал использованию технологий реабилитации отдельных показателей здоровья и выработке единой концепции, что позволяет системно подойти к проблеме здоровья учащихся.

Опираясь на положения теории фиксированных форм поведения, в частности на выводы Г.В. Залевского, раскрывающего ригидность как проявление индивидуальных черт субъекта, как содержательную характеристику внутреннего строения познавательной деятельности, О.В. Макаренко (Новосибирск) обратилась к феномену ригидности с позиции категории «способность» [14]. Рассматривая ригидность как относительную неспособность личности реорганизовать в определенной ситуации проблемный материал, она изучила влияние когнитивного стиля «ригидность – гибкость» на стратегии, выбираемые учащимися в процессе решения творческих задач естественно-научного цикла [16]. В процессе исследования был обнаружен признак – «разрешение – неразрешение себе» решать эти задачи и, таким образом, показана роль гибкости (личностный уровень) в когнитивном процессе.

С позиции структурно-уровневого подхода (как теоретико-методологической основы исследования) А.В. Воронина (Иркутск) провела оценку психологического благополучия школьников в системе профилактической и коррекционной работы психологической службы. Это дало возможность в качестве показателя, позволяющего выявить «благополучную», «неблагополучную» и «группу риска» среди учащихся, рассматривать уровень психологическо-

го благополучия [25]. Понятие «психологическое благополучие» было определено как системное качество, к анализу которого был применен структурно-уровневый подход. В результате была разработана уровневая модель психологического благополучия. Полученные результаты позволяют преодолеть существующие расхождения во взглядах и терминологическую неоднозначность психологического благополучия через определение его как системного качества человека, а также найти путь к оценке психологического благополучия учащихся в системе профилактической и коррекционной работы психологической службы.

Опора на теорию фиксированных форм поведения позволили Н.М. Заяц (Горно-Алтайск) как психологическую проблему рассматривать переход от социального статуса «выпускник школы – абитуриент» к статусу «студент вуза» молодых людей, поступающих в вуз. Данный переход определяется автором не только как закономерный возрастной этап развития личности, но и как жизненно важное событие, во многом определяющее ее (личности) развитие. Выход на новый социальный статус изучался с точки зрения актуализации внутренних потенциалов, которые определяют успешность поступления в вуз [11]. В качестве ресурсов личности выделены умеренная психическая ригидность, структурированность и гибкость ценностных ориентаций в отношении к новым условиям развития личности.

На материале образовательной среды высшей школы Т.Ю. Осипова (Кемерово) рассматривает единство коммуникативной гибкости и коммуникативной компетентности как условий развития коммуникативной креативности студентов [19]. Это позволило создать методики по определению уровней развития креативности в межличностном общении и получить новые данные по связям между уровнями коммуникативной креативности и вторичной коммуникативной компетентностью, а также гибкостью у студентов. Коммуникативная компетентность и коммуникативная гибкость являются психологическими условиями, определяющими развитие коммуникативной креативности, что обеспечивает, как полагает Г.В. Залевский, «обобщенную готовность к восприятию перемен, характеризующих современную социальную ситуацию развития российского общества» [9].

Н.В. Серкова (Северск) изучила динамику психической ригидности в условиях дистанционного обучения [20]. Полученная структура внутрифункциональных связей свойств внимания при умеренном уровне актуальной и установочной ригидности показывает, что свойства внимания выступают в виде функционального единства, а это свидетельствует о хорошем состоянии внимания. В условиях компью-

теризированной среды отчетливо проявляются нелинейные зависимости между уровнем психической ригидности и свойствами внимания, которые в обычной (некомпьютеризированной) среде не проявляются. При этом выявлены особенности взаимосвязи внимания и психической ригидности студентов и на этой основе выделены психолого-педагогические принципы дистанционного обучения.

Исследование особенностей личностно-профессионального становления студентов высшей школы, проведенное Н.В. Козловой (Томск), построено на рассмотрении этого процесса как формы проявления самоорганизации потенциально открытой системы [10]. Ею выявлены существенные характеристики личностно-профессионального становления в условиях реальной жизнедеятельности человека (в условиях высшего профессионального образования), раскрывающиеся в ценностно-смысловых измерениях многомерного мира и проявляющиеся в конструировании профессионального образа мира. Выявлено, что психическая ригидность, которая рассматривалась как показатель открытости/закрытости системы, представляет собой акмеологический инвариант профессионализма (т.е. обладает свойством универсальности и инвариантности), что обеспечивает активное саморазвитие специалиста вне зависимости от специфики профессиональной деятельности [10]. Кроме того, ригидность является наиболее информативным признаком выраженности уровня профессионального образа мира студентов, сложившегося у них в ходе профессионального образования.

Примечателен тот факт, что идеи Г.В. Залевского об открытости/закрытости систем определили значительный объем исследования высших проявлений психической организации человека. Как следствие реализации теории фиксированных форм поведения Э.В. Галажинским (Томск) предложено новое решение проблемы детерминации самореализации личности, позволяющее преодолеть сложившееся противоречие, суть которого заключается в том, что одни ученые продолжают считать самореализацию явлением, обусловленным присущей природе человека предопределенностью быть самоактуализирующимся существом, а другие, отрицая эту предопределенность, предпочитают говорить о процессуальной детерминации [6]. В результате решения этой проблемы общая теория ригидности получила определенное развитие за счет того, что континуум «ригидность – гибкость» выступил в новом качестве, а именно в качестве не причинных детерминант самореализации, обуславливающих степень открытости человека как самоорганизующейся системы. Динамизирующая не причинная детерминация является внеситуативной, определяется степенью «открытости – закрытости» человека как системы и обеспе-

чивает устойчивость системы и ее подвижность, легкость или трудность ее выхода «за пределы», особенности перестройки поведенческих стереотипов и выработку новых норм. Этим условиям соответствует континуум «ригидность – гибкость».

Е.П. Федорова (Чита), используя структурно-уровневый подход к рассмотрению психической ригидности – гибкости во взаимосвязи личностных особенностей, поведения, комплекса характеристик ее феноменологии, установила факты взаимосвязи показателей континуума «ригидность – гибкость» с факторами, характеризующими процесс жизненного самоопределения [27]. Ею доказано, что наряду с «ригидностью – гибкостью» существуют другие «сквозные» (интегративные, общесистемные) характеристики открытости человека, в том числе смысло-жизненные ориентации, влияющие на процесс жизненного самоопределения. На основе полученных данных разработана модель факторной структуры самоопределения и самих факторов («активность в самоопределении», «ригидность – гибкость», «смысло-жизненные ориентации»), позволяющих определить содержательные характеристики процесса жизненного самоопределения.

И.Н. Чикишева (Томск) показала роль психической ригидности как одной из основных характеристик жизненной стратегии в процессе совладания управленцами с проблемными ситуациями [28]. В ее исследовании определены личностно-ситуационные «эталон-ресурсы» и «мишени-препятствия» профессионального развития управленцев среднего звена. Выявлен характер синергетичности взаимосвязи основных характеристик жизненной стратегии и копинг-стратегии, где психическая ригидность оказывает влияние на особенности этих взаимосвязей. Установлено, что психическая ригидность выступает основной характеристикой жизненной стратегии управленцев среднего звена. Полученные данные стали основанием для разработки теоретической концепции проблемы совладающего поведения в трудных ситуациях и для понимания субъективных факторов, определяющих характер кризиса в возрасте зрелости.

На основе методологии структурно-уровневой концепции психики И.М. Трофимовой (Кемерово) исследованы особенности динамики креативности и гибкости молодых руководителей в условиях применения групповых активных методов обучения [26]. Объектом экспериментально-психологического исследования стали творческие способности молодых руководителей в виде таких составляющих, как креативность и гибкость, исследованные в специально организованных условиях творческой активности. Установлено, что креативность входит в структуру личностной гибкости молодых руководителей, являясь ее когнитивной составляющей. Она име-

ет многоуровневую структуру, низший уровень которой определяет поиск новых средств достижения поставленной цели, а высший – новых целей. Выявлена позитивная роль групповых активных методов обучения в динамике креативности и гибкости как форм спонтанного проявления творческих резервов личности молодого руководителя.

В значительном количестве публикаций Г.В. Залевского отражен интерес к среднему возрасту, который определяется рядом обстоятельств: спецификой возрастных особенностей людей этого периода; наличием определенного «провала» в научных знаниях о нем; переживаниями людьми этого возраста в условиях нашей страны того, что автор обозначил как «второй экзогенный удар» – ломка привычных стереотипов и новые социально-экономические условия существования, поскольку первый «удар» связан с началом «инволюционной» фазы (псевдопубертатностью) и необходимостью в связи с этим оказания людям этого возраста социально-психологической помощи, учитывая при этом как социально-профессиональную стратификацию, так и их половые особенности. Л.Н. Антропьянская (Томск), опираясь на эти представления и идеологию структурно-уровневого подхода, создала многоуровневую модель адаптации человека среднего возраста к современному социуму [1].

В.А. Непомнящая (Томск) считает важным для понимания становления человека как психической системы свойство ригидности, которое может способствовать игнорированию возможностей саморазвития и самореализации [18]. Акциональная теория ригидности и фиксированных форм поведения, с ее точки зрения, определяет способ изучения многомерного мира посредством выявления особенностей взаимосвязи субъективного качества жизни со смысло-жизненными ориентациями и психической ригидностью. Введение данных параметров позволило определить уровни становления многомерного мира человека в период молодости и обосновать возможность использования категории «субъективное качество жизни» в психологии развития. Ею показана роль психической ригидности как системного свойства, обуславливающего непринятие нового как ценности, что препятствует оптимизации смысло-жизненных ориентаций и субъективного качества жизни на этапе смены социальной ситуации развития. Установленные зависимости актуального субъективного качества жизни во взаимосвязи с особенностями смысловой сферы и психической ригидностью стали основанием для прогнозирования вариантов индивидуального развития в молодости.

Автором теории фиксированных форм поведения Г.В. Залевским отмечалось, что учение о психической ригидности развивается в направлении феноменологии самоидентичности, структурирования практики

психологической помощи [9]. Именно в этом направлении проведено исследование О.В. Лукьянова (Томск) [15]. Учение о психической ригидности развивается им в аспекте своевременности и современности человеческого поведения. Автор доказывает, что фиксированные формы поведения, кроме своей предметной фиксированности, проявляют и временную, темпоральную и транстемпоральную фиксированность. Это особенно важно при изучении сферы возможного, потенциального, сферы становления человеческого бытия, экзистенции. Психическая ригидность изучается не только как проблема, но и как критерий понимания динамических проблем становления и бытия личности, критерий понимания форм экзистенциального опыта. Автором феноменологически описаны смыслы, качества психической ригидности. Полученные результаты используются при построении концепций социальных и психологических практик, таких как экзистенциальная социотерапия, управление образовательными рисками и др.

Опираясь на теорию фиксированных форм поведения, В.Г. Залевский (Барнаул) сделал вывод о необходимости выделения особой предметной области психологической науки – фиксированных форм экономического поведения [9]. Он ввел понятие «фиксированные формы экономического поведения индивидуальных и групповых систем». Это поведение, реализуемое относительно базисных экономических категорий, к которым относятся как собственно «опредмеченные» феномены, так и феномены «ментальные». К первым он причисляет деньги и их эквиваленты (ценные бумаги, акции...), собственность (имущество, средства производства...); ко вторым – такие понятия (или, более того, архетипы), как «богатство – бедность», «заработок – прибыль». Суть его исследования состоит в том, что социоэкономическая среда, имманентно ха-

рактеризуясь высокой степенью подвижности, изменчивости, требует от системы любого типа высокого уровня развития адаптационных способностей и, в самом широком, интегральном смысле, психической флексибильности. Таким образом, в подобных исследованиях подтверждаются идеи Г.В. Залевского о тотальных проявлениях ригидности как на уровне индивида, так и больших и малых групп («физическое» и «юридическое» лицо).

Проведенный анализ современных исследований, опирающихся на теорию фиксированных форм поведения и направленных на анализ и поиск путей оптимального развития человека в различных сферах жизнедеятельности, свидетельствует об их перспективности и высокой результативности. Отмеченные работы имеют иллюстративный характер и являются наглядным примером развития теории Г.В. Залевского, которая может служить своеобразным ориентиром в проблемном поле современной психологии. Кроме того, сам Г.В. Залевский продолжает развивать свои представления о природе и сущности фиксированных форм поведения. Он систематизировал имеющиеся в мировой психологии представления о феномене фиксированных форм поведения в виде системно-сетевых моделей фиксированных форм поведения и предложил концепцию избыточной устойчивости индивидуальных и групповых систем, которые стали методологическим основанием многих современных исследований томской психологической школы [8–10].

Подводя общий итог, нужно отметить, что столь широкие, глубокие и последовательные исследования напрямую связаны и с самим ученым – профессором Г.В. Залевским, создавшим принципиально новое направление фундаментальных и прикладных исследований феномена фиксированных форм поведения индивидуальных и групповых систем.

Литература

1. Антропьянская Л.Н. Особенности социально-психологической адаптации людей среднего возраста (45–60 лет) в зависимости от их профессиональной принадлежности: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Томск, 2004. 21 с.
2. Бохан Т.Г. Психологические характеристики в системе детерминации совладающего поведения в трудных ситуациях подростков и юношей народов Сибири // Психическая и социально-психологическая адаптация: проблемы теории и практики. Челябинск, 2005. С. 12–16.
3. Буторин Г.Г. Психология депривационного дизонтогенеза в детском возрасте. Челябинск: АТОКСО, 2001. 236 с.
4. Ветчанина Е.Г., Залевский Г.В., Мальгина Г.Б. Значение психической ригидности при психоэмоциональном стрессе беременных // Материалы Всероссийской науч.-практ. конф. по перинатальной психологии. СПб., 2002. С. 163–164.
5. Гадельшина Т.Г. Ресурсосберегающая стратегия концентрированного обучения учащихся 7–11 классов: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Томск, 2003. 22 с.
6. Галажинский Э.В. Системная детерминация самореализации личности: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Барнаул, 2002. 43 с.
7. Дмитриева Е.Н., Левицкая Т.Е. Гибкость мышления как личностный ресурс детей и подростков, страдающих ДЦП // Методологические проблемы современной психологии: иллюзии и реальность (Электронный вариант). Томск, 2004. С. 411.
8. Залевский Г.В., Залевский В.Г. Фиксированные формы экономического поведения // Экономическая психология: актуальные теоретические и прикладные проблемы. Иркутск, 2005. С. 40–45.
9. Залевский Г.В. Фиксированные формы поведения индивидуальных и групповых систем. Москва; Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. 460 с.
10. Залевский Г.В., Козлова Н.В. Психическая ригидность – флексибильность как акмеологический инвариант профессионализма // Сибирский психологический журнал. 2006. № 22. С. 146–149.
11. Заяц Н.М. Психическая ригидность – флексибильность как психолого-педагогическая проблема // Развивающее образование XXI века. Горно-Алтайск: Школа развивающего образования А.В. Петрова, 2003. С. 78–85.

12. Зыкова Н.А. Психокоррекционная работа в комплексной антиаритмической терапии функциональных нарушений сердечного ритма подростков: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Томск, 2004. 22 с.
13. Карасева А.Э. Психологические особенности женщин с перенесенной беременностью // Известия Алтайского государственного университета. 2001. № 3 (21). С. 108–111.
14. Кожевников В.Н., Варлакова Я.В., Карташева К.С. Психическая ригидность в этиопатогенезе невротических расстройств в кардиологической клинике // Вестник РГМУ. 2006. № 2 (49). С. 78–79.
15. Лукьянов О.В. Актуальность изучения транстемпоральных аспектов социального и психологического опыта // Вестник ТГУ. 2007. № 298. С. 179–186.
16. Макаренко О.В. Динамика когнитивного стиля «ригидность – флексибельность» посредством решения творческих задач естественно-научного цикла учащимися // Педагогическое обозрение. 2003. № 33. С. 11–12.
17. Мамышева Н.Л., Шелехов И.Л. Материнство в зеркале невротического конфликта // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2005. Вып. 1 (45). Серия: Психология. С. 91–94.
18. Непомнящая В.А. Особенности становления личности в молодости на этапе изменения социальной ситуации развития: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Томск, 2005. 21 с.
19. Осипова Т.Ю. Возможности развития коммуникативной компетентности студентов технического вуза // Сибирский психологический журнал. 1999. Вып. 11. С. 47–52.
20. Серкова Н.В. Особенности динамики развития внимания и психической ригидности студентов в дистанционном и традиционном обучении: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Томск, 2000. 23 с.
21. Ошаев С.А., Стоянова И.Я. Сравнительный анализ механизмов совладания и архаических форм психологической защиты у больных с невротическими нарушениями // Сибирский психологический журнал. 1999. Вып. 10. С. 77–80.
22. Сагалакова О.А. Социальная фобия: психосемантический анализ устойчивых алгоритмов реагирования на социальные ситуации // Сибирский психологический журнал. 2004. № 19. С. 62–69.
23. Стоянова И.Я. Психологические особенности системно-уровневой модели адаптации у больных с расстройствами психологического спектра // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 2006. № 3. С. 94–98.
24. Суровцева А.К. Особенности социальной адаптации при депрессивных расстройствах // Сб. материалов международной научно-практической конф. / Под ред. Н.А. Корнетова. Томск: Изд-во Том. ун-та. 2003. С. 218–321.
25. Тирещенко А.Г., Воронина А.В. Индивидуально-типологические свойства в контексте проблемы психического здоровья // Studium I: Матер. ежегодной науч.-практ. конф. студентов и соискателей. Иркутск, 2000. С. 160–163.
26. Трофимова И.М. Возрастные и профессиональные факторы трансформации личности молодых руководителей // Проблемы психологии и эргономики. Ярославль; Тверь: МАПН, 2000. С. 45–50.
27. Федорова Е.П. О возможностях исследования проявлений личностной ригидности в процессе профессионализации // Психосинергика и образование: Матер. I Забайкальской межрегиональной школы молодых ученых. Чита: Изд-во ЗабГПУ, 2002. С. 81–85.
28. Чикишева И.Н. Личностно-ситуационные предпосылки профессионального развития управленцев среднего звена (на примере управленцев нефтегазодобывающего комплекса): Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Томск, 2004. 21 с.

DEVELOPMENT OF THE G.V. ZALEVSKIY'S THEORY OF THE FIXED FORMS OF BEHAVIOR
N.V. Kozlova (Tomsk)

Summary. The principal points of this article are: the contemporary researches in the various spheres of the vital ability, which are leaning the theory of the fixed forms of behavior; the development of the representations about the nature and the essence of the fixed forms of behavior at a level of individual (person) and group (family, professional community and organization, ethnos and a society as a whole) systems, which are shown in the cultural and cross-cultural space, education, science, in the norm and pathology.

Key words: mental rigidity, system-network models of the fixed forms of behavior, superfluous stability of individual and group systems.